

Глава 1

Что-то не так.

Ещё погружённый в сон, Гу Чжи отчётливо это осознал.

Спина ощущала грубую, жёсткую поверхность, бесконечно далёкую от привычной мягкости матраса «Симмонс». Он отчётливо помнил, как перед сном выставил кондиционер на двадцать шесть градусов, а теперь проснулся в испарине.

Но самое главное...

Гу Чжи резко открыл глаза. Густую ночную тьму прорезали багровые отсветы, в нос ударил едкий запах горящей травы и деревьев, смешанный с какой-то неизвестной пылью, которую принёс ночной ветер.

«Снова переход»

Это была его первая мысль.

«Возможно, это какое-то недоразумение. Если полежать ещё немного, всё вернётся на свои места»

Эта мысль возникла сразу же следом.

Поэтому, приподнявшись лишь на мгновение, Гу Чжи сложил руки на животе и медленно, но решительно опустился обратно.

Именно эту сцену и застал Цао Цао, когда, измученный и мрачный, с лицом, перепачканным кровью и пылью, подошёл к ручью.

Он замер и спросил стоявшего рядом Сяхоу Дуня:

— Если я не ошибаюсь, это ведь один из мятежников?

Лицо Юаньжана тоже было мрачным. Он бросил недобрый взгляд в указанном направлении и после небольшой паузы ответил:

— Деревянные доспехи на нём действительно те, что пожаловал правитель Чжоу.

Цао Цао больше ничего не сказал. Обменявшись коротким взглядом с Сяхоу Дунем, он первым шагнул к неподвижной фигуре, застывшей на земле.

Гу Чжи полежал ещё немного и снова открыл глаза.

Пейзаж не изменился. Очевидно, он действительно совершил переход, и никаких недоразумений тут не было. Он услышал приближающиеся шаги, но не придал им значения, продолжая неподвижно лежать, заложив руки за голову и глядя в подсвеченное пожаром ночное небо.

— Почему не уходишь? — раздался над ним низкий, хриловатый мужской голос.

Сам по себе голос не был чем-то особенным, но мелодия речи казалась немного витиеватой, словно какой-то горный диалект. К своему удивлению, и в то же время без особого изумления, Гу Чжи понял слова и даже без малейших трудностей ответил вопросом на вопрос:

— А почему я должен уходить?

Ему показалось, он услышал многозначительное холодное хмыканье, после чего тот же голос произнёс:

— Не уходишь, так, значит, и смерти не боишься?

Воздух застыл.

Только теперь Гу Чжи оторвал задумчивый взгляд от неба и посмотрел на говорившего. Это был мужчина лет тридцати-сорока, среднего роста, с правильными чертами лица. Под густыми бровями скрывались раскосые глаза, в которых читалась настороженность. Лицо незнакомца было забрызгано кровью, и в неровном свете пламени его бесстрастное выражение казалось зловещим, как у призрака, пришедшего за душой.

Ветер донёс до Гу Чжи густой, плотный запах крови, исходивший от рукавов мужчины. Очевидно, этот человек только что вышел из жестокой схватки, в которой убил не одного врага.

— За что тебе меня убивать? — Гу Чжи не шелохнулся. Он полуприкрыл глаза, его пальцы касались травы, а всё тело излучало полнейшее расслабление. — Только потому, что я преградил тебе путь?

— Раз не боишься смерти, к чему притворяться дураком?

Внезапно раздался другой, незнакомый мужской голос. Под аккомпанемент скрежета доспехов

рядом с первым мужчиной появился высокий молодой военачальник. Он смотрел на лежащего сверху вниз, и в его глазах плясали багровые отсветы огня.

— Командир Гу, ты подстрекал солдат к мятежу и помог им дезертировать. Это — преступление, караемое смертью. Вместо того чтобы спастись бегством, ты осмелился остаться здесь... Раз уж ты сам ищешь смерти, я провожу тебя в последний путь.

С этими словами Юаньжан выхватил меч и шагнул вперёд.

Клинок со свистом покинул ножны, воздух наполнился жаждой крови, но Гу Чжи по-прежнему лежал на месте, лишь мельком взглянув в сторону нападавшего.

— Это был не я.

Он сказал правду, но ему никто не поверил.

Юноша лишь счёл его слова жалкой попыткой оправдаться и, не говоря больше ни слова, занёс меч.

— А-а-а! — раздался душераздирающий крик откуда-то с севера.

Выражение лица мужчины с окровавленным лицом изменилось.

— Юаньжан, уходим.

Клинок военачальника замер в воздухе.

Никем не замеченный, Гу Чжи, чья рука уже сжалась в кулак на траве, медленно расслабил пальцы, когда лезвие остановилось.

Мэндэ сделал несколько быстрых шагов в сторону, откуда донёсся крик, и, обернувшись на ходу, бросил:

— Взять его с собой.

«Его», разумеется, означало Гу Чжи.

Сяхоу Дунь убрал меч, достал из поясной сумки печать и снял с неё шнур. Хотя Гу Чжи не оказывал никакого сопротивления, тот не терял бдительности. Он грубо завёл руки пленника за спину и крепко связал их шнуром.

Гу Чжи позволил воину тащить себя к месту событий. Не успели они остановиться, как Сяхоу Дунь громко крикнул:

— Мэндэ, берегись!

Гу Чжи рассеянно размышлял, глядя на разворачивающийся впереди хаос.

«Мэндэ... какое знакомое имя»

Прозвище знаменитого героя Троецарствия, Цао Цао, было именно «Мэндэ». Если этот человек и есть Цао Цао, то не является ли молодой военачальник, которого назвали «Юаньжан», великим генералом Цао Вэй, Сяхоу Дунем?

Пока он размышлял, его связанные запястья резко сжали.

— У вас есть сообщники?

Гу Чжи отвёл взгляд.

— Я не имею к этому никакого отношения.

Он снова сказал правду. Неизвестно, насколько ему поверили, но больше вопросов не задавали.

Юаньжан забросил его на спину лошади, сам вскочил в седло, схватил длинное копьё, висевшее у него на луке седла, и ринулся в гущу сражения. Противником отряда Цао Цао была конница в разномастных доспехах. Их происхождение было неясным, но сражались они отважно.

Длинные мечи и копья скрещивались, клинки мелькали в воздухе. В первой же стычке с обеих сторон было зарублено около десяти человек. Кровь брызгала во все стороны, словно чернила. Военачальник только что одолел одного из врагов, как ему в глаза хлынула густая, липкая струя.

Резкая боль заставила его невольно зажмуриться, но именно в этот момент вражеская алебарда уже неслась к его спине. В самый разгар кризиса Сяхоу Дунь, повинувшись какому-то чутью, рванул поводья в сторону. Алебарда пронеслась мимо, вспоров плащ, и едва не вонзилась в круп лошади.

В решающее мгновение сбоку метнулся меч и своим лезвием слегка отбил атаку алебарды. Испуганный конь рванулся вперёд, и опасность для воина миновала.

Мужчина стёр кровь с глаз, с трудом разлепил веки и поспешно опустил взгляд. Меч висел на поясе, как и положено, и, казалось, даже не покидал ножен. Но мгновение назад он отчётливо ощутил, как на поясе стало легче, а затем за спиной раздался резкий скрежет металла. Именно этот короткий звук помог ему избежать смертельного удара.

Он посмотрел перед собой. На шее коня, словно дохлая рыба, висело тело, не изменившее позы. Этот человек никак не походил на того, кто в критический момент мог выхватить меч и отразить внезапную атаку.

— Ты... — нахмурился Сяхоу Дунь, собираясь что-то сказать, но стремительно меняющаяся обстановка на поле боя не давала ему отвлечься.

Ему пришлось подавить удивление и снова ринуться в бой с копьём наперевес. В последующих столкновениях он, не теряя бдительности, время от времени поглядывал на юношу, перекинутого через шею коня. Но сколько бы он ни смотрел и с какого бы ракурса, тот лежал неподвижно, прижавшись к конской гриве, и даже не пытался устроиться поудобнее.

Несколько раз сверкающие клинки и копья проносились в опасной близости от головы Гу Чжи, но он не проявлял ни малейшей реакции, словно был мёртв.

Сражаясь с врагами, Сяхоу Дунь направил коня к Цао Цао и остальным, его разум был полон вопросов. Он начал подозревать, что спасение было лишь плодом его воображения. Возможно, в суматохе боя враги случайно ударили по алебарде своего же соратника.

Гу Чжи чувствовал на себе прожигающий взгляд со спины. Он зевнул, лёжа на коне, и спрятал под собой освобождённые от пут руки. Кроме Сяхоу Дуня, никто не заметил, что в тот критический момент именно он выхватил меч, на мгновение задержал алебарду, а затем, использовав силу удара, вернул клинок в ножны.

Движение было настолько быстрым и скрытным, что даже командир нападавших, нанёсший удар, ничего не понял. Он лишь с сомнением отвёл оружие, неуверенно взвесив его в руке.

Видя, что Сяхоу Дунь вот-вот соединится с Цао Цао, враги усилили натиск. Разделившись на два отряда, они окружили горстку людей Мэндэ с востока и запада.

— Оставьте коней и оружие, и мы, возможно, пощадим вас, — произнёс предводитель вражеского отряда.

Цао Цао на эти слова даже бровью не повёл, словно тот выпустил облако дурно пахнущего газа. Видя такое «неуважение», нападавший в гневе дёрнул поводьями, и его воины стали ещё яростнее.

Людей у Мэндэ было мало, но каждый из них был отважным бойцом. Стороны сошлись в

нескольких схватках, но победителя выявить не удалось. Несмотря на сильную тряску и неудобное положение мешка, перекинутого через конскую гриву, Гу Чжи лежал неподвижно, притворяясь мёртвым.

Однако, когда он уже начал дремать, вражеский предводитель, не сумев сломить сопротивление, вдруг нахмурился и громко крикнул в сторону Гу Чжи и Сяхоу Дуня:

— Белолицый Гу, чего ты ждёшь?

«Что?»

Гу Чжи отогнал сонливость, интуитивно чувствуя, как в висках начинает стучать тревога.

«Белолицый Гу? Это он о ком? Только бы не о том, о ком я подумал»

— Слышал я, что у разбойников из банд Жёлтых повязок и Чёрных гор принято давать командирам прозвища по их отличительным чертам. Того, кто скачет на белом коне, зовут Чжан Белый Всадник, быстрого — Чжан Летящая Ласточка, а того, у кого глаза как медные плоски, — Ли Даму...

Сяхоу Дунь опустил глаза, его взгляд стал ещё холоднее, чем прежде.

— Судя по твоему бледному и красивому лицу, ты и есть тот самый «Белолицый Гу», о котором говорят разбойники?

Гу Чжи промолчал.

«Нет, это не я, я здесь ни при чём»

— Так что же, генерал Белолицый Гу, «чего ты ждёшь»? — с издевкой повторил Сяхоу Дунь слова вражеского предводителя.

Его красивые глаза метали ледяные искры, словно морозные клинки... Если бы взгляды могли материализоваться, спина Гу Чжи уже была бы похожа на ежа.

— Я не Белолицый Гу, я Гу Цзинцзин, — произнёс он. — Дайте мне побыть в тишине.

Никто не понял его шутки, никто не разделил его печали. Вспомнив о недавних подозрениях, Юаньжан крепче сжал лакированное древко копья и посмотрел на Цао Цао.

Тот ничего не сказал, лишь слегка приподнял шлем, глядя на врагов.

«Наблюдать за развитием событий»

Сяхоу Дунь с мрачным выражением лица холодно смотрел, как предводитель нападавших продолжает кричать:

— Белолицый Гу, что с тобой? Неужели ты забыл о нашем уговоре?

Гу Чжи медленно поднял руки и закрыл уши.

— Белолицый Гу, ты занял у меня полсвязки монет, чтобы спасти старика Го, и остался мне должен. А теперь притворяешься мёртвым и нарушаешь наш уговор? Неужели ты хочешь предать меня и перейти на их сторону?

Руки не спасали от пронзительных криков, а тем более от косых взглядов со всех сторон. Гу Чжи отбросил давно разорванный шнур, одной рукой оперся о холку коня, спрыгнул и плавно приземлился.

Сяхоу Дунь мгновенно выставил копьё, настороженно следя за каждым его движением.

— Ты кто такой? Уж не Ша Байму ли? — медленно обернулся Гу Чжи, его спокойный взгляд устремился на восток, в сторону леса.

Если он действительно Белолицый Гу, сообщник этого человека, то его внезапные крики не только бесполезны, но и заставят сторону Цао Цао насторожиться. Это не напоминание, а явное желание его смерти. Если это не было сделано намеренно, с какой-то скрытой целью, то этот человек... действительно глуп и недалёк.

— Ша Байму? — опешил вражеский предводитель. — Кто это?

Сяхоу Дунь холодно наблюдал за этой бессмысленной сценой, как вдруг до его слуха донёсся свист ветра. Он резко поднял голову.

— Все назад!

В лесу кто-то был. Враг намеренно тянул время. Едва воин договорил, как из леса вылетело больше десяти стрел, направленных на воинов Цао. Несколько человек не успели увернуться и, получив стрелу в грудь, с глухим стоном упали на землю.

Один из молодых воинов Цао Цао, с налившимися кровью глазами, бросился вперёд с мечом наперевес, чтобы зарубить «предателя» Гу Чжи. Тот, сузив глаза, отступил на полшага, и лезвие меча прошло мимо. Ближе всех стоявший Сяхоу Дунь схватил молодого воина:

— Сначала укройся от стрел, не действуй опрометчиво.

Он повёл своих людей в укрытие, больше не взглянув на Гу Чжи. В радиусе нескольких десятков метров мгновенно опустело. Кроме павших на землю мертвецов, остался только Гу Чжи.

Он, словно что-то почувствовав, поднял голову и посмотрел на густой лес, откуда виднелись луки. Предводитель врагов, отбросив свою притворную глупость, указал алебардой вперёд и холодно приказал:

— Сначала убейте Гу Чжи.

<http://bllate.org/book/15998/1441198>